

На этом сходство с Хагани кончается, но мы поем дальше:

Там внизу звучит веселый говор,
Бодрой песни звук и смех друзей.
Но сегодня этот мертвый город
Мил мне мрачной прелестью своей.
Завтра я про грусть забуду
В зное пламенного дня.
Но всегда со мною будет
Песня грустная моя.

Так оно у нас и вышло!

Примечания

¹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 27.

² Там же. С. 27–28.

³ Берестов В. Д. Приключений не будет. М., 1962.

BOSS (a chapter from a book of memoirs)

The author shares his memories about S.P. Tolstov, an organizer and a head of the Khorezm expedition. As an outstanding scientist, talented teacher and a rather extraordinary person, Tolstov was an acknowledged mentor for his junior colleges and students. It was Tolstov, who introduced into the work of the Khorezm expedition many perspective ideas, the spirit of a «common deal», cooperation and interpersonal friend relations. The article is written in a fiction style. A specific «expedition folklore» of students, who worked in the Khorezm expedition, is presented.

V.D. Berestov

© 1997 г., ЭО, № 1

Т.А. Жданко

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭТНОГРАФЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ*

В 1945 г. Хорезмская археологическая экспедиция Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, с 1937 г. возглавлявшаяся С.П. Толстовым, возобновила свои исследования, прерванные войной. При этом она получила новый статус Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР.

Решение включить в состав экспедиции этнографические отряды соответствовало научным интересам ее организатора и руководителя: С.П. Толстов был в такой же степени этнографом, как и археологом¹. Убежденный приверженец традиций школы замечательного русского ученого Д.Н. Анучина, его принципов историзма в этнографической науке и комплексного метода исследования, сочетающего данные археологии, этнографии и антропологии, Толстов считал «анучинскую триаду» основой научного анализа исторических проблем². В своей научной деятельности, в трудах,

* Данная работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 95-06-17606, код 01160.

в организации экспедиционных работ он развивал и обогащал метод комплексного исследования. Хорезмская экспедиция – яркий пример тому. В течение всего периода ее многолетних изысканий кроме археологов, этнографов, антропологов в ее работе участвовали квалифицированные специалисты многих профессий: географы, геоморфологи, топографы, архитекторы, художники; для изучения затерянных в песках пустыни исторических памятников, древних русел и каналов привлекались и инженеры – специалисты по аэрофотосъемке.

Наряду с Хорезмской в послевоенный период стали вести широкие исследования и другие комплексные экспедиции, работавшие в разных регионах страны – Прибалтийская, Киргизская, Саяно-Алтайская и др.; их организаторами были институты этнографии и истории материальной культуры АН СССР и Академии наук некоторых союзных республик. В их составе работали этнографы, археологи, и возглавлялись они крупными учеными – Н.Н. Чебоксаровым, А.Н. Бернштамом, Г.Ф. Дебецом, Л.И. Потаповым и др.

Как писал в 1947 г. С.П. Толстов, комплексное исследование накладывает яркий отпечаток на творческий профиль большинства современных ведущих ученых, выступающих, как правило, одновременно в качестве этнографов и историков, в одинаковой мере вооруженных как для этнографической работы в собственном смысле слова, так и для исследования литературных и архивных памятников и археологических материалов³. Комплексные экспедиции были многолетними, проводили детальное и разностороннее исследование обширных историко-этнографических областей, разрабатывали сложные этногенетические и историко-культурные проблемы, издавали серии своих научных трудов, публиковали новые, нередко уникальные материалы полевых исследований.

В Хорезмской экспедиции многие ее сотрудники-этнографы участвовали в археологических раскопках, обследовали обнаруженные ими неизвестные памятники и, главное, широко включали в свои историко-этнографические труды археологические материалы, позволяющие «протянуть нити преемственности от культуры древних племен Приаралья»⁴ к современной культуре изучаемых ими народов. Археологи обращались к этнографическим материалам, помогающим понять находки и реконструировать многие черты жизни обитателей раскопанных ими поселений разных эпох.

Археологи развернули широкие исследования в основном за пределами культурной полосы – в пустынях Кызылкум и Каракум, на землях древнего орошения, в бассейнах древних русел, давно пересохших дельтовых протоков Амударьи и Сырдарьи; в задачи этнографических отрядов входило изучение многонационального населения Каракалпакстана, Хорезмской обл. Узбекистана, Ташаузской обл. Туркменистана, а также некоторых районов Юго-Восточного Казахстана, прилегающих к Нижней Сырдарье и ее дельте. В период работы отрядов еще не наступила экологическая катастрофа – пересыхание Аральского моря, и были полноводны обе великие среднеазиатские реки – Амударья и Сырдарья.

Исторически сложилась характерная черта этнического состава населения Южного Приаралья: лишь каракалпаки сосредоточены здесь основным массивом своего этноса; в Каракалпакстане живет более 90% этого народа. Хорезмские узбеки и туркмены, устюртские и кызылкумские казахи являются локальными, территориальными группами. Тем не менее все они – аборигены Приаралья и имеют много общих традиций, обусловленных длительными экономическими и этнокультурными связями, издревле присущими Хорезмской историко-культурной области.

В 1945 г. в Хорезмской экспедиции был организован первый этнографический отряд – Каракалпакский; в 1946 г. – два узбекских – Северный и Южный; в 1954 г. еще один – Узбекский, работавший, как и Южноузбекский, преимущественно в Хорезмской обл. В 1948 г. начал свои работы Туркменский отряд. Казахское население западной и восточной окраин дельты Амударьи, островов Южного Арала и отчасти низовья Сырдарьи было затронуто обследованиями этнографов экспедиции лишь

частично, специальное изучение его проводилось в 1950–1960-е годы этнографами Каракалпакского филиала АН УзССР. В один из полевых сезонов (1945 г.) в составе экспедиции работал и отряд, изучавший русских казаков-уральцев⁵, завершивший начатое в годы войны обследование этой этнографической группы.

Перед всеми отрядами была поставлена задача в течение ближайших лет провести систематическое обследование населения оазиса, уточнить расселение локальных групп и составить детальные этнические карты; во всех местах обитания народа собрать историко-этнографический материал, всесторонне характеризующий его традиционную культуру и быт, выявить его этнографический облик, сложившийся в исторических и экологических условиях Хорезма; провести исследование современного быта, происходящих в нем преобразовательных процессов⁶.

* * *

Каракалпакский этнографический отряд (начальник Т.А. Жданко) начал свои исследования с учетом работ, проведенных предшественниками. В дореволюционной науке накопилось много различных сведений о каракалпаках, однако этнографические материалы были скупы, отрывочны, поверхностны, часто неточны⁷. Только в 1920-е годы было начато профессиональное этнографическое исследование быта каракалпаков.

В 1925 г. в итоге национального размежевания республик Средней Азии была образована Каракалпакская автономная область в составе Казахстана; в 1930 г. она вошла в состав РСФСР, а в 1932 г. была преобразована в Каракалпакскую автономную республику, остававшуюся в Российской Федерации до 1936 г. Позднее она вошла в состав Узбекистана. В период национального размежевания и последующие годы в республиках Средней Азии велись крупные экономические, статистические, демографические исследования, повысился интерес к историческому прошлому, языкам и этнографии народов этого региона, в том числе и каракалпаков. Первую этнографическую экспедицию к ним организовал Московский государственный университет, направив в 1926 г. трех студентов историко-этнологического факультета – Н.А. Баскакова, А.Х. Дэвлета и А.И. Иванова – в Каракалпакскую АО на практику для изучения быта и языка каракалпаков. Экспедиция собрала богатый этнографический и лингвистический материал⁸.

В 1927 г. к изучению этнографии каракалпаков приступила А.С. Морозова⁹, окончившая в Ташкенте Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета. В 1928–1929 гг. продолжались этнографические экспедиции Н.А. Баскакова и А.С. Морозовой, в эти же годы своими маршрутами охватила правобережные районы Каракалпакстана организованная Обществом по изучению Казахстана этнографическая экспедиция, в которой участвовал художник А.С. Мелков – автор альбома прекрасных полевых зарисовок¹⁰. На основе собранных экспедициями материалов в 1930 г. в Турткуле открылся Каракалпакский краеведческий музей.

С переходом республики в РСФСР оживилась ее научная жизнь. В 1931 г. было основано первое научное учреждение – Комплексный научно-исследовательский институт (КНИИ), в этнолингвистической секции которого сосредоточились лингвистические и историко-этнографические работы. Поддерживая развитие науки и культуры у небольшого народа с его почти неизведанной историей, в изысканиях КНИИ включились наряду с местными фольклористами и языковедами многие крупные ученые Москвы и Ленинграда. В руководстве этнографо-лингвистическими экспедициями принял участие вместе с Н.А. Баскаковым известный ленинградский тюрколог проф. С.Е. Малов. Историк-востоковед П.П. Иванов углубился в изучение первоисточников истории каракалпаков и уже в 1935 г. опубликовал свой замечательный «Очерк истории каракалпаков»¹¹, значение которого для изучения этногенеза каракалпаков и их исторического прошлого в XVII–XIX вв. трудно переоценить.

Историческая этнография каракалпаков глубоко заинтересовала и С.П. Толстова¹². В особенности привлек его внимание вопрос о ранних этапах их этногенеза. В своих широких историко-культурных исследованиях в области первобытной и древней истории Средней Азии он нередко обращался к анализу пережиточных явлений быта этого народа. Археологические разведки Хорезмской экспедиции довоенного времени охватили помимо южных Кызылкумов и территорию обитания каракалпаков в XVI–XVIII вв. в низовьях и дельте Сырдарьи, обнаружив там следы их своеобразного очень древнего типа хозяйства и полуседлого быта. Эти материалы наряду с накопившимися новыми данными истории, этнографии и лингвистики позволили Толстову создать концепцию основных этапов этногенеза каракалпаков, которую он изложил впервые в 1942 г.¹³ В 1945 г. на выездной сессии Академии наук Узбекистана в Нукусе Толстов выступил с большим докладом о происхождении каракалпакского народа¹⁴. К этому вопросу он возвращался и позднее в ряде своих статей по более широкой тематике¹⁵.

С учетом уже накопленных сведений первый этнографический отряд Хорезмской экспедиции приступил к своим многолетним работам. В период с 1945 по 1959 гг. за 12 сезонов полевых исследований¹⁶ был собран основной материал для разработки главных включенных в его план тем. Еще три сезона – в 1967, 1969 и 1974 гг. – отряд собирал материалы по традиционному хозяйству каракалпаков в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана – обобщающего капитального труда, издание которого планировалось Институтом этнографии АН СССР совместно с республиками региона¹⁷.

Отряд охватил своими маршрутами и стационарами все районы Каракалпакстана, изучая хозяйство, быт и культуру каракалпаков, живущих в разных экологических зонах республики. Это были центральные районы их расселения – в бассейне канала Кегейли, цветущем земледельческом оазисе с давно уже оседлым каракалпакским населением; в северной части дельты Амударьи, включая и побережье Арала, где устойчивее, чем в других местах, сохранялись древние традиции комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовецкого хозяйства. Обследовались и рыбацкие поселки островов Южного Арала, ныне исчезнувшие в солончаках и песках бывшего морского дна. Работы велись также на западной окраине дельты, ограниченной плато Устюрт, где каракалпакское население живет смешанно с казахами и издавна связано с соседними туркменами и северными узбеками Хорезма. Неоднократно обследовались и районы восточной окраины дельты, ограниченные возвышенностью Бельтау и лежащим у ее подножия большим оз. Каратерень. Здесь также велика доля казахского населения. В соседних Кызылкумах на пустынных пастбищах развито животноводство. Велись работы и на юге республики, где преобладают узбеки.

На правобережье, в Южных Кузылкумах в годы работы отряда деятельно осваивались земли древнего орошения. Отряд изучал быт обитателей новых переселенческих поселков, возникших среди песков пустыни на узком клине заново орошенных земель. Наконец, в один из своих полевых сезонов Каракалпакский отряд работал в Кызылордынской обл. Казахстана – в низовьях Сырдарьи, основном районе расселения каракалпаков в XVI–XVIII вв., откуда их вытеснили постоянными набегами казахские ханы. У современного казахского населения этих местностей сохранились предания о совместной с каракалпаками жизни и их давних тесных взаимосвязях – хозяйственных и бытовых.

В течение всех 15 полевых сезонов работы отряда его начальником была Т.А. Жданко, состав участников с годами менялся. Наиболее постоянно (4–5 сезонов) участвовали в его маршрутных обследованиях, стационарах, в научной обработке и публикации собранных материалов Н.П. Лобачева (полевые сезоны 1945, 1956–1959 гг.), Б.В. Андрианов (1946–1949 гг.), Л.С. Толстова (1946–1950 гг.) и сотрудники научных учреждений Каракалпакии Р.К. Косбергенов (1945–1950 гг.), С.К. Камалов (1948–1950, 1956 гг.), У.Х. Шелекенов (1954, 1958, 1967, 1969 гг.), Х. Есбергенов (1956, 1959, 1969, 1974 гг.)¹⁸. Большой вклад в сбор этнографических материалов внес

своими отличными фотоснимками неизменный участник отряда с 1954 по 1959 г. фотограф Ю.А. Аргиропуло, а своими рисунками – И.В. Савицкий (1950, 1953, 1954, 1956 гг.); в конце 1950-х годов последнего сменила художница Т.В. Полетика. Архитектор Ю.В. Стеблюк и инженер-топограф Н.И. Игонин создали значительный фонд неоднократно публиковавшихся чертежей, планов, зарисовок каракалпакских селений, усадеб, разных видов традиционных и современных жилищ.

Постоянными участниками путешествий отряда были студенты кафедры этнографии Истфака МГУ, Каракалпакского педагогического института и других вузов. Неоднократно к отряду присоединялись и археологи Хорезмской экспедиции (Ю.А. Рапопорт, Б.И. Вайнберг) и Каракалпакского филиала АН УзССР (А.В. Гудкова, В.Н. Ягодин и др.).

Одной из важных задач отряда было составление детальной этнической карты Каракалпакстана. Сведений, извлеченных из государственных переписей населения, оказалось для этой цели недостаточно, и необходимые данные пришлось собирать в ходе полевых работ. Уже своими первыми маршрутами отряд охватил все административные районы республики. В каждом райцентре копировалась карта земельных угодий района с обозначением границ колхозов, учитывались сведения местной статистики. В непосредственном общении с населением выяснялся не только его национальный, но и родоплеменной состав: в памяти сельских жителей устойчиво сохранялось сознание своей принадлежности к определенному роду и племени. Изучение родоплеменной системы каракалпаков являлось необходимой предпосылкой для сбора и анализа материалов по их исторической этнографии, хозяйственным традициям, социальному строю, общественному быту, а также для понимания современных этнических процессов¹⁹.

Кропотливая и сложная работа по составлению этнической карты была выполнена. Составлением порайонных карт был занят Б.В. Андрианов; он стал и основным автором сводной карты²⁰. Географ по образованию, Андрианов именно с этой целью был включен в этнографический отряд.

Тогда же отряд занимался изучением происхождения родов и племен, а также родословных, хранящих память об исторических событиях, в которых участвовали именитые предки. Тщательно собранные отрядом сведения, проверенные в местах расселения родов и их подразделений путем перекрестного опроса знатоков исторических традиций, позволили впервые реконструировать всю сложную родоплеменную систему каракалпакского народа, показав взаимосвязи ее звеньев. Эта громоздкая, многоступенчатая родоплеменная система была опубликована и подверглась разностороннему анализу²¹.

Сложившаяся на протяжении многих веков родоплеменная система – своеобразный и ценный исторический источник. Так, большой интерес представляет анализ родоплеменных наименований. Методика использования этого материала – «историческая стратификация этнонимов» (термин Р.Г. Кузеева)²² – уже давно применяется этнографами при изучении этногенеза тюркских народов Средней Азии, Казахстана и других регионов. Этнонимы каракалпакских племен, равно как тамги и ураны, указывают на разнородные этносы, взаимодействие которых привело к возникновению каракалпакского народа. Они подтверждают выводы П.П. Иванова, С.П. Толстова и других ученых о том, что главными компонентами в формировании каракалпаков были на разных исторических этапах сако-массагетские, огузо-печенежские (в том числе черноклобукские) и половецкие (кыпчакские) племена, а в послемонгольский период – также некоторые группы тюркизированных монголов, в особенности ногаи, в среде которых, видимо, завершалось формирование каракалпакской народности²³.

Сотни полевых записей сотрудников отряда составили бесценный фонд исторических преданий. Среди них – предания о прежних местах обитания каракалпаков в степях Приаралья и на соседних территориях в разные периоды истории – в низовьях Волги, Урала, Эмбы, на нижней Сырдарье, Кувандарье, Жаныдарье и других протоках сырдарьинской дельты – и о постепенном сосредоточении их уже с давних вре-

мен на нынешней территории – в Хорезмском оазисе, обширной области амударьинской дельты и на побережье Аральского моря.

Многие предания повествуют и о миграциях каракалпаков – обычно вынужденных, связанных с такими событиями, как вторжения джунгар («калмаков»), грабительские нападения войск казахских ханов, карательные и завоевательные походы хивинских ханов. Большой цикл составляют и воспоминания о более близком прошлом – положении народа под властью Хивы и затем в составе России (с 1873 г.). Если рассказы о далеком прошлом нередко имеют легендарный характер, то предания, относящиеся к более позднему времени, обычно достовернее, что выясняется при сопоставлении их с письменными источниками, например с хивинскими хрониками XIX в. Муниса и Агехи. Предания характеризуют события и личности исторических деятелей объективнее, чем придворные историки хивинских ханов.

Новые полевые материалы были изложены в ряде статей об этногенезе каракалпаков²⁴ и легли в основу крупных работ. Так, Б.В. Андрианов широко пользовался полевыми записями отряда о переселении каракалпаков в своей работе «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII–XIX вв.)». Историю формирования этой этнической территории он освещал, учитывая историко-географические факторы, в частности географические изменения дельты Амударьи, уровня Арала. Р. Косбергенов также широко привлек полевые материалы в работе «Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX–начале XX в.» Это исследование относится к каракалпакам левобережья Амударьи, где средневековая феодально-деспотическая система правления сохранялась вплоть до 1920 г. В характеристике исторической ситуации Р. Косбергенов опирался на народную интерпретацию ханской политики в отношениях с каракалпаками. С.К. Камалов, работая над темой «Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в.», воспользовался множеством своих записей исторического и фольклорного характера. Все эти три исследования были опубликованы в Трудах Хорезмской экспедиции²⁵. Позднее С.К. Камалов внес значительный полевой материал (наряду с извлечениями из множества архивных документов) в свою книгу «Каракалпаки в XVIII–XIX вв.»²⁶.

Одной из важных задач отряда было изучение традиционных форм хозяйства каракалпаков. С.П. Толстов еще на раннем этапе археологических работ Хорезмской экспедиции впервые сопоставил особенности хозяйства полуседлых жителей дельтовых областей Приаралья – каракалпаков с выявленными археологами в тех же местностях типом хозяйства племен эпохи бронзы и сведениями древних авторов (Геродота, Страбона) о «речных» и «водных» сако-массагетских племенах²⁷. Он полагал, что «каракалпаки в XVIII–XIX вв. являются наиболее характерными представителями комплексного скотоводческо-рыболовно-земледельческого хозяйства в условиях дельтового режима», которое следует рассматривать не как результат недавнего процесса оседания кочевников, а как древнюю форму, предшествовавшую, а впоследствии сопутствовавшую собственно кочевому хозяйству²⁸.

Значительный вклад в изучение специфики дельтового типа орошения и ирригационных сооружений внес Б.В. Андрианов, который в течение ряда лет руководил археолого-топографическим отрядом экспедиции; он составил историческую карту земель древнего орошения в Северных Кызылкумах, в том числе и на Кувандарье и Жаныдарье, в местах обитания каракалпаков в XVIII и начале XIX в.²⁹

Собранные Каракалпакским этнографическим отрядом сведения существенно обогатили имевшиеся данные о хозяйстве каракалпаков сообщениями пожилых сельских жителей (мирабов, животноводов, рыбаков) и позволили определить тип хозяйства этого народа как хозяйственно-культурный (ХКТ) обитателей дельтовых областей крупных рек аридной зоны с неустойчивым орошением, базирующемся на водах озер и постоянно меняющих русла дельтовых протоках, со скотоводством полуседлого типа (преобладание крупного рогатого скота) и с рыболовством на взморье, озерах и протоках дельты³⁰. Своеобразны и приемы неполивного земледелия

каракалпаков – на пересыхающих после паводков Амударьи влажных каирных землях островов и речных пойм и на днищах усыхающих озер. Этнографические сведения, позволяющие сделать достаточно полную и конкретную характеристику ХКТ каракалпаков, обобщены автором данной статьи³¹. Каракалпакские этнографы издали сборник материалов о хозяйстве каракалпаков³².

Этнографическим отрядом была исследована материальная культура каракалпаков. Впервые сведения собирались по единой программе и повсеместно в районах проживания этого народа с учетом локальных особенностей.

В материальной культуре каракалпаков, особенно в жилище, отражено типичное для полуседлых народов сочетание степных форм с оседло-земледельческими. Юрта была у них основным видом жилища. В местах прежнего обитания каракалпаков, ныне пустынных, наряду со следами оросительной сети сохраняются следы круговой обваловки юрт – свидетельство зимовки в них жителей. По мере возможности юрты в зимний период утеплялись и обкладывались камышом и земляными насыпями. Между юртами встречаются землянки и полуземлянки, небольшие глиняные мазанки, служившие, по словам информаторов, главным образом для хозяйственных целей – как кладовые, хлева, конюшни³³. На Жаныдарье и в нынешних населенных районах мы обследовали развалины жилищ прежних правителей каракалпаков – биев, аталыков, крупных торговцев-баев (конец XVIII–XIX в.)³⁴. Изучены и развалины крепостей другого типа, построенных рядовыми жителями аулов в ханские времена (пустые пространства, обнесенные глинобитными стенами, а чаще земляным валом и окруженные рвом). В такие крепости («кала»), перекочевывали жители одного или нескольких аулов, когда им угрожала опасность грабительских набегов соседних кочевников-туркмен или казахов. Набеги случались чаще всего зимой, когда замерзали река, ее протоки, болота, бывшие летом преградами для конных «аламанчиков». Такие крепости, временами заполнявшиеся сотнями юрт, перестали существовать после присоединения каракалпаков к России – набеги были прекращены военными властями края.

Изучение современного каракалпакского жилища выявило несколько его типов, сложившихся в разных природных и хозяйственных условиях.

Более всего юрта была распространена в северной части дельты Амударьи, где мало места занимали земледельческие угодья и сосредоточивались рыбацкие колхозные поселки. В пору наших работ приморские аулы были труднодоступны; единственными транспортными средствами (которыми пользовались и мы) были небольшие рейсовые самолеты и лодки. Юрты занимали главное место в этих аулах; лишь с 1920-х годов рядом с ними стали строить дома каркасного типа. Селения были скученными, располагаясь среди зарослей камыша, по берегам протоков и озер. Один из рыбацких поселков, где нами неоднократно велась работа, в отряде прозвали «Каракалпакской Венецией». Главной «улицей» там был проток Казахдарья; соседи общались друг с другом при помощи лодок, постоянно сновавших по оживленной водной «трассе». Основным стрительным материалом здесь был камыш. Снопам из него заполняли каркас жилых домов; из камыша и циновок строили хлева, курятники, изгороди усадеб. Стены домов поверх камыша обмазывали снаружи и внутри глиной³⁵.

В центральных районах республики – Чимбайском, Кегейлинском и др. – нам редко встречались старинные дома, в которых хлев находился под одной крышей с жильем. Поселки располагались среди хлопковых полей, в окружении садов, бахчей, виноградников. Дома колхозников были уже нового типа: стены из пахсы, большие окна, в жилых комнатах – отопление, электричество. При этом в доме, как правило, имелось и просторное, высокое помещение – *уйжай*. В него переносили на зиму стоявшую летом во дворе или в саду юрту со всем ее оборудованием и утварью. В юрте продолжала жить семья или часть семьи – старшее поколение. Отрядом было зафиксировано много вариантов такого сочетания современного дома с установленной в нем на зиму юртой³⁶.

В южных районах республики, где преобладают узбеки, юрты почти не встречались за исключением нескольких туркменских селений.

Каракалпакская юрта имеет ряд особенностей, отличающих ее от казахской, туркменской и др. Это своеобразие отражено в публикациях сотрудников отряда³⁷. Начатое отрядом изучение каракалпакской юрты было позднее продолжено Х. Есбергеновым в 1970-е годы, когда был также снят фильм «Юрта каракалпаков»³⁸.

Обширный и представительный материал был собран отрядом по традиционной одежде каракалпаков. Сотрудники Каракалпакского отряда с первых дней работы приступили к ее изучению, торопясь разыскать и уговорить хозяев показать уже не бытующие, но хранящиеся как семейные реликвии-виды старинного костюма – женские синие платья *кок койлек* с богатой вышивкой, головные накладки *жегде*, головные женские уборы *киймешек*, *саукеле*, ювелирные украшения и др.³⁹. Многие элементы каракалпакского костюма вызвали интерес и у археологов, обнаруживших в некоторых чертах материальной культуры и искусства современных народов Хорезма и степей Приаралья аналогии с материалами своих раскопок, а именно следы преемственности с древней цивилизацией Хорезма и его степной периферии.

Главным собирателем и исследователем каракалпакской одежды стала Н.П. Лобачева, накопившая богатый архив полевых материалов: собственных наблюдений, описаний, чертежей, записей рассказов об уже исчезнувших видах костюма, о традиционных способах их ношения, возрастных различиях, о праздничной и обрядовой одежде и т.д. Проявляя склонность к широкому сравнительно-этнографическому исследованию, Н.П. Лобачева участвовала в полевых работах и Узбекского отряда, собирала сведения о костюмах других народов. Она обобщила свой полевой материал в статьях, содержащих сравнительно-типологический и исторический анализ традиционного костюма каракалпаков⁴⁰, а также посвященных различным аспектам изучения одежды народов всего среднеазиатско-казахстанского региона⁴¹.

Из каракалпакских этнографов, участников нашего отряда, большое внимание изучению одежды уделял Х. Есбергенов. Свой полевой материал он соединил с музейным, извлеченным из коллекций разных музеев страны. Есбергенов пополнил своими сборами коллекции музеев Каракалпакии и опубликовал обстоятельную статью по одежде каракалпаков⁴².

В задачи отряда входил и сбор материалов, характеризующих социально-экономический строй каракалпакского общества в прошлом. Эта проблема исследовалась историками-востоковедами главным образом по материалам архивных источников и сочинений среднеазиатских авторов, относящихся к периоду их подчинения хивинским ханам. Особенно велики заслуги П.П. Иванова, широко использовавшего сведения восточных рукописей, хроник хивинских историков Муниса и Агехи и документов обнаруженного им «Архива хивинских ханов XIX в.»⁴³. Позднее изучением документов этого архива, относящихся к каракалпакам, занялся Ю.Э. Брегель. Он опубликовал их со своими комментариями⁴⁴. Этнографические материалы, собранные Каракалпакским отрядом, существенно дополняют труды историков, оживляя и уточняя их «житейскими» фактами и подробностями – рассказами наших информаторов о жизни конкретных каракалпакских селений и семей, о разных способах их порабощения крупными землевладельцами, скотовладельцами, ханскими чиновниками, торговцами, ростовщиками и др., а также управляющими ими сородичами – биями и аталыками, ставшими сановниками, приближенными ханов.

При исследовании роли родоплеменного деления в социальной жизни каракалпаков мы убедились в том, что происшедший у них распад родовой общины был неминуем в условиях интенсивно углублявшегося в Хивинском ханстве XIX–начала XX в. социального неравенства. В ходе полевых работ выявилось немало пережитков общинно-родового землепользования, использования пастбищ и водопоев. Многие старые каналы, отведенные от реки или протоков дельты, сохраняли родовые названия. Местные жители – нынешние колхозники – объясняли, что тот или иной канал был проведен их родом, их предками, потому и он, и орошенные им земли

считались принадлежащими их роду. Местами наблюдалось компактное расселение родоплеменных групп, что нашло отражение в наших этнических картах, составленных в 1940-е годы. Много следов общинно-родовых порядков и норм сохранилось в водопользовании, в земледельческих обычаях и обрядах, в общественной жизни родового аула, в праздничных конных играх и состязаниях («козлодранье» и др.) между аулами разных родовых подразделений.

В ходе полевых работ удалось понять общественное значение мельчайшего подразделения родоплеменной системы – *кёше*. Многие старики утверждали, что «дальше род уже не делится». Между тем оказалось, что именно в *кёше* устойчивее всего сохраняются реликты древнего патриархального рода. Обследовав в 1954–1957 гг. ряд *кёше* в разных районах (издавна оседло-земледельческих, полuosедлых, приморских), мы выяснили, что они представляют собой семейно-родственные группы – патронимии, объединяющие близких, кровных (по отцовской линии) родственников, потомство одного человека, состоящее из четырех-пяти поколений. Предка помнят, по его имени или прозвищу (*лакаб*) именовалось и *кёше*; оно присваивалось всем входящим в *кёше* сородичам, обозначая их родственное единство⁴⁵.

Кёше отличалось территориальной общностью: члены его селились в одном ауле, в непосредственном соседстве друг с другом. Сохраняли они и хозяйственную общность, составляя часть общины, а иногда и целую аульную общину, водопользование которой базировалось на своем арыке *салма*, отведенном от крупного канала – *жап*. Скот находился в частном владении каждой семьи, но выпасался совместно, в определенных урочищах.

Старшина *кёше*, по аналогии со старейшиной рода бием назывался *кёше-бий*. Суждения стариков и старших сородичей имели огромное влияние на поведение и мировоззрение жителей аула. Обычаи никто не смел нарушать, опасаясь осуждения со стороны старших. Стойкими были обычаи взаимопомощи, коллективизма, совместного соблюдения семейных обрядов. Мы обнаруживали *кёше* в колхозных бригадах, организованных по территориальному признаку и нередко совпадавших с аулами *кёше*.

Наиболее полному обследованию подверглись два *кёше*. Первое – в хлопководческом колхозе Кегейлинского р-на, на старинном канале Тараклы, в ауле Елибай. Жители его – каракалпаки-кенегес, рода тараклы. Проведенное в нем посемейно-подворное обследование выявило родственные связи всех жителей между собой. Был составлен план селения, показывающий расположение групп усадеб семей, входящих в *кёше* Елибай. Путем расспросов удалось составить общую схему генеалогии из пяти поколений, в которую вошли все нынешние жители – 12 семей⁴⁶. Столь же детально обследовалось второе *кёше*, включаемое в состав муйтенского рода кенгтанау под названием *жекенсал* (букв. «плот из тростника»). Говорят, это было прозвище рыбака, предка *кёше*, возможно, мастера изготовлять такие плоты, распространенные в прошлом у рыбаков дельты. Это *кёше* мы нашли в рыболовецком поселке Кызыл аскер приморского Муйнакского р-на, на берегу Казахдарьи⁴⁷.

Этот круг полевых исследований существенно обогатил собиравшиеся ранее материалы по семье и семейному быту каракалпаков. Беседы, проводившиеся со старшими членами семей во время посемейно-подворных обследований, расширяли и уточняли сведения о патриархально-родовых пережитках в их быту, об архаических обычаях, обрядах, верованиях, бытовавших в недавнем прошлом и не полностью исчезнувших в годы нашей работы. Мы были очевидцами живучести строго соблюдавшейся при браках родовой экзогамии, наблюдали случаи двоеженства, браков по обычаю левирата, бытования обычая авункулата во взаимоотношениях дяди по материнской линии – *дайы* и его племянников – *жиен*.

Выявились следы существования в прошлом у каракалпаков половозрастного деления, отразившегося в системе терминов родства (особые термины для старших и младших родственников и др.) и в традиции мужских и женских объединений, вклю-

чающих жителей примерно одного возраста. Такие группы называли *катар*. Сверстники, обращаясь друг к другу, употребляли особые термины⁴⁸. Ровесников объединяли дружба, особый этикет; периодически они устраивали собрания с угощением; в свадебной обрядности ровесники жениха и невесты играли очень важную роль. Но в 1950-е годы, по наблюдениям Н.П. Лобачевой, обычаи, обряды и термины, связанные с объединениями ровесников, уже забывались⁴⁹.

Н.П. Лобачева успешно занималась изучением семейной обрядности, особенно ее свадебного цикла. Свои полевые материалы по свадьбе и семейным традициям в быту каракалпаков она привлекла в ряде статей по исторической и современной этнографии народов Средней Азии и Казахстана⁵⁰. Исследованию каракалпакской семьи и ее бытового уклада в прошлом и настоящем посвятила свою работу А. Бекмуратова⁵¹. Семейную обрядность всесторонне изучали и другие каракалпакские этнографы, в том числе работавшие с нашим отрядом Х. Есбергенов и Т. Атамуратов. Большая часть собранного полевого материала была опубликована ими в монографии о семейной обрядности каракалпаков⁵².

В задачи отряда входил и сбор сведений о практически неизвестных в 1940-е годы религиозных традициях каракалпаков. Богатый материал по этой теме был введен в научное пользование Х. Есбергеновым, поставившим перед собой в конце 1950-х годов цель изучить погребально-номинальную обрядность, традиционные типы намогильных сооружений, культ мазаров⁵³. Позднее круг его интересов значительно расширился, о чем свидетельствуют его публикации (в частности, посвященные исследованию фольклора и пережитков древних верований у каракалпаков)⁵⁴. Собранные в Каракалпакстане полевые материалы Ю.В. Кнорозова убедительно показали обилие и разнообразие связей мусульманского культа святых с наследием доисламской культуры Хорезмского оазиса. Сведения о каракалпакских святынях были использованы и в работах Г.П. Снесарева, который проводил этнографические изыскания на территории Каракалпаки, и присоединяясь к нашему отряду в двух его маршрутах⁵⁵.

В нашем комплексном исследовании этнографии каракалпаков выделилось еще одно направление – изучение народного прикладного искусства, в том числе художественного орнамента, украшающего предметы быта. Эта тема возникла сама собой при изучении материальной культуры. Мы были поражены творческим стремлением этого народа к украшению своей бытовой обстановки и его высокой художественной одаренностью. Наиболее богаты разнообразным орнаментом предметы убранства юрты, особенно праздничной – для новобрачных: в нее входит обычно полный комплект традиционных декоративных деталей. Тканым и ковровым орнаментом украшены все виды дорожек и тесьмы, опоясывающие и скрепляющие решетчатый остов юрты, войлочные покрытия ее купола. Деревянные двери юрты покрыты искусной резьбой⁵⁶. Орнамент резьбы тоже разнообразен и обилён; в нем сочетаются растительные мотивы с различными формами узора «бараньих рогов». Видимо, это отражает одну из черт общего облика полукучевой культуры каракалпаков, а также влияние на нее казахской степи (казахи – мастера резьбы по дереву и камню) и традиций замечательного искусства хивинских узбеков – резьбы по дереву (на дверях жилищ, колоннах айванов и др.) с ее богатством растительных узоров.

Кроме жилища орнаментированы многие предметы одежды и утвари. Вышивкой украшались почти все виды старинной женской одежды; выполнялась она разными вышивальными швами и имела наряду с декоративным и социальное значение, – иногда меняясь в зависимости от возраста женщины. То же самое можно сказать и о ювелирных украшениях, среди которых большое распространение получили амулеты.

Собранные во время экспедиционных работ отряда орнаменты изучались и фиксировались вместе с предметами быта, которые они украшали. Некоторые полевые материалы опубликованы⁵⁷; издан и небольшой альбом народного орнаментального искусства каракалпаков⁵⁸.

Работа отряда фактически положила начало исследованию прикладного искусства каракалпаков, главным образом в историко-этнографическом аспекте, как одного из

источников для изучения истории культуры народа, его этногенетических и историко-культурных связей с народами разных регионов и эпох.

Как к подлинному открытию отнесся к искусству каракалпаков включившийся с 1950 г. в изыскания отряда художник И.В. Савицкий. Он горячо увлекся доселе неизвестным ни художникам, ни искусствоведам каракалпакским народным художественным творчеством, став вскоре неутомимым энтузиастом-собирателем предметов прикладного искусства каракалпаков. Впервые оно стало исследоваться художником-профессионалом. По словам самого Савицкого, он был поражен, когда увидел, что «у маленького народа, в недавнем прошлом затерянного среди песков и протоков Амударьи, оказалось великолепное искусство и потрясающее мастерство, безупречный вкус, удивительный такт в распределении орнамента и цвета». Увлекали его и работа в археологических отрядах Хорезмской экспедиции, романтика раскопок, находки стенных росписей, скульптур, необычной керамики. Встреча с Хорезмом изменила его судьбу. В 1956 г. он переселился из Москвы в Нукус, продолжил поиски образцов народного искусства, организовал археологические раскопки нескольких памятников и, главное, создал республиканский музей искусств, приобретший ныне мировую известность своими уникальными коллекциями народного творчества и живописи – произведений художников Средней Азии и других регионов страны⁵⁹. В 1965 г. вышла в свет книга И.В. Савицкого, посвященная резьбе по дереву, – первое искусствоведческое исследование культурного наследия каракалпаков⁶⁰. Позднее И.В. Савицкий дал краткую общую характеристику их прикладного искусства в прекрасно изданном альбоме экспонатов Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан⁶¹.

* * *

На протяжении всего периода наших полевых работ изучалась помимо традиционной и современная этнография каракалпаков; собирались материалы, свидетельствующие о преобразованиях, происходящих в быту сельского населения республики в условиях советского строя.

Первым стационарным объектом этих исследований был колхоз им. Ахунбабаева в Чимбайском р-не, расположенный на берегу Кегейли, в старейшем центре оседлости, орошения и земледелия каракалпаков дельты Амударьи. Жителями колхозного поселка были только каракалпаки, кроме одного садовника-узбека, приглашенного из Самарканда для ухода за большим фруктовым садом и виноградником – гордостью колхоза. Отряд неоднократно приезжал в колхоз в 1945–1948 гг.

Среди старожилов оказалось много знатоков исторических преданий, дореволюционного прошлого и истории колхоза. Отряд изучал труд и быт колхозников в этом крупном хлопководческом хозяйстве. Была проведена и киносъёмка группой московской студии научно-популярных фильмов⁶². Нашу работу по изучению быта каракалпакского крестьянства в прошлом и настоящем продолжил У.Х. Шалекенов, расширив ее до масштабов всего района⁶³.

С 1950 г. ряд лет отряд проводил исследования на землях нового освоения, включившихся в Кызылкумы на севере Турткульского р-на (на Кырккызском участке). В годы войны здесь методом народной стройки был прорыт новый канал с частичным использованием русла древнего канала Кырккыз, разрушенного в период арабского завоевания. На вновь орошенных землях сохранились развалины средневековых замков и нескольких крепостей VI–VIII вв.; на крупнейшей из них, Беркут-кале, вели раскопки археологи.

У берегов нового канала возник новый оазис с несколькими поселками, густой оросительной сетью, хлопковыми полями. Жителями поселков были переселенцы – семьи узбеков, туркмен и каракалпаков, преимущественно из тех колхозов Турткульского р-на, часть земель которых была в последние годы смыта Амударьей. Здесь стоял и казахский поселок. Его жители, еще совсем недавно бывшие кочев-

никами в Кызылкумах, теперь приобщались к оседлому быту и земледельческому труду. Этот многонациональный объект этнографических исследований оказался чрезвычайно интересным; в частности, ценными были сведения об использовании в современных условиях традиционного для народов Хорезма многовекового опыта освоения пустынных земель – борьбы с барханными песками, подготовки твердых такырных почв к посеву (их пескование, удобрение, поливы). Этот опыт широко применялся как местными агрономами, так и мирабами и самими колхозниками⁶⁴.

В 1958 г. отряд отправился изучать современный быт рыбаков на островах Аральского моря. На рыболовном сейнере, выделенном для экспедиции Муйнакским рыбоконсервным комбинатом, мы провели этнографическое обследование рыболовецких колхозных и рабочих поселков на пяти островах Южного Арала. Это были небольшие песчаные острова, пустынные и безводные. У подножья песчаных бугров, на самом берегу моря узкой полосой тянулись поселки с каркасно-камышевыми домиками и юртами. Имелись здесь и здания рыболовецкого пункта с ледником-холодильником, с зимы наполненным льдом. Ледники служили не только для хранения рыбы, но и для снабжения питьевой водой; пресную воду привозили и на плашкоутах с устья Амударьи. Глину для обмазки стен своих жилищ рыбакам приходилось привозить на лодках из нескольких мест ее залежей на дне моря, находящихся на небольшой глубине. На островах был только песок.

В поселках жили казахи-алимы и каракалпаки, в основном мюйтены. И те, и другие – исконные обитатели Приморья, потомственные рыбаки (у мюйтенов даже тамга имела вид остроги «шанышка»). Это люди опытные, знающие море, его течения, глубины, места обитания разных пород рыб, их повадки. Лов постепенно механизировался, рыбаки стали пользоваться судами, оснащенными новыми орудиями лова, у каждой артели появился свой флот – сейнеры, катера, моторные лодки. В беседах с жителями выявились традиционная связь алимов и мюйтенов, их давнее близкое соседство и трудовое сотрудничество, множество культурных и бытовых заимствований друг у друга, частые смешанные браки. Убранство как казахских, так и каракалпакских юрт здесь оказалось неожиданно очень богатым, насыщенным яркими ковровыми изделиями мастериц-рыбачек. За недостатком шерсти часто использовались для тканья и окрашенные капроновые нити, служившие материалом для плетения сетей⁶⁵.

Своеобразный образ жизни аральских «островитян» мы стремились изучить всесторонне. Сделано много записей преданий и воспоминаний об историческом прошлом мюйтенов и алимов, а также наших наблюдений и описаний их современной жизни; был собран и большой изобразительный материал – серия прекрасных фотографий Ю.А. Аргиропуло; чертежи, планы селений и жилищ, зарисовки Ю.В. Стеблюка и И.Н. Игонина; рисунки одежды, изделий мастериц ковроделия, орнаментов и их описание Н.П. Лобачевой и художницы Т.В. Полетики. Ю.В. Стеблюк успел сделать несколько акварелей-этюдов с пейзажами сияющего голубизной моря и островов с их поселками, юртами, лодками. Отплывая в Муйнак, мы не могли представить себе, что жителей постигнет трагическая судьба – гибель Арала, одна из величайших катастроф XX в. Не знали мы и того, что собранные нами этнографические материалы станут уникальным памятником их нелегкой жизни на островах, которые ныне поглощены мертвой песчано-солончаковой Аральской пустыней, возникшей на дне исчезнувшего моря.

* * *

Подводя итог многолетним исследованиям Каракалпакского отряда, необходимо подчеркнуть, что результатом этнографических изысканий были не только собранные по специально разработанной программе богатейшие сведения о культуре каракалпачков и их соседей. Отряд, как и Хорезмская экспедиция в целом, явился хорошей

школой для подготовки ученых, приобретавших в ходе полевых работ основательный профессиональный опыт и глубокие знания.

Подобно крупнейшему российскому тюркологу-филологу Н.А. Баскакову, научное творчество которого началось с этнографического изучения Каракалпакстана ряд известных этнографов открыл для себя путь в науку благодаря участию в работах Каракалпакского отряда. Н.П. Лобачева, Л.Ф. Моногарова, Л.С. Толстова были еще студентками, когда впервые приступили к сбору этнографических материалов среди каракалпаков. В дальнейшем все научное творчество Л.С. Толстой было связано с изучением каракалпаков⁶⁶. Каракалпакстан и Хорезм стали средоточием научных интересов Б.В. Андрианова. С Каракалпакией связал свою жизнь И.В. Савицкий, которому было присвоено звание народного художника Каракалпакстана. Основанный им музей получил имя своего создателя и первого директора.

Важна роль Каракалпакского отряда в подготовке специалистов-этнографов для Каракалпакстана. Академик АН Узбекистана С.К. Камалов, доктора исторических наук Р.К. Косбергенов и У.Х. Шалекенов, кандидаты исторических наук А. Бекмуратова, Х. Есбергенов, Т. Атамуратов прошли обучение в аспирантуре Института этнографии АН СССР и получили профессиональные навыки подготовленного для полевых работ этнографа в Каракалпакском отряде Хорезмской экспедиции.

Примечания

¹ Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., Чебоксаров Н.Н. Сергей Павлович Толстов (К 60-летию со дня рождения) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1967. № 1. С. 130–138; Жданко Т.А., Итина М.А. Сергей Павлович Толстов (1907–1976) // СЭ. 1977. № 2. С. 3–14.

² Толстов С.П. Дмитрий Николаевич Анучин – этнограф // Тр. Ин-та этнографии (далее – ТИЭ). М.: Л., 1947. С. 18–21. См. также: Рецетов А.М. Юбилейное заседание в Санкт-Петербурге (К 150-летию со дня рождения Д.Н. Анучина) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 1. С. 153–155. На заседании было отмечено, что «знаменитая “анучинская триада” и сегодня высоко оценивается учеными и находит практическое применение» (там же. С. 153).

³ Толстов С.П. Советская школа в этнографии // СЭ. 1946. № 1. С. 20.

⁴ Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ). Т. 1. М., 1952. С. 13.

⁵ См.: Бломквист Е.А. Этнографическая работа среди уральцев // Краткие сообщения Ин-та этнографии (далее – КСИЭ). Вып. III. 1947. С. 49–54.

⁶ Общий обзор этих отрядов см.: Жданко Т.А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. С. 21–40.

⁷ О накоплении этнографических сведений о каракалпаках в русской науке в XVIII–XIX вв. и этнографических исследованиях, проводившихся среди них до работ Хорезмской экспедиции. см.: Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. Т. IX. М., 1950. С. 11–34; *её же*. Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С. 463–471; *её же* (в соавт. с Х. Есбергеновым). Введение // Этнография каракалпаков. XIX–начало XX в. (Материалы и исследования). Ташкент, 1980. С. 3–10 и др.

⁸ Развернутый отчет о работе экспедиции 1926 г., написанный Н.А. Баскаковым, с приложением многочисленных фотографий, снятых А.Х. Дэвлетом, к сожалению, не был опубликован. Оригинал отчета, по сообщению Н.А. Баскакова, хранится в ЦГИА г. Москвы (Ф. 1235. Оп. 121. Ед.хр. 344).

⁹ А.С. Морозова, работая в течение ряда лет в Комплексном научно-исследовательском институте и Каракалпакском краеведческом музее, собрала большой ценный материал по этнографии и языку каракалпаков, обобщив его в рукописи, оставшейся неопубликованной. Позднее она использовала его в своей кандидатской диссертации «Культура домашнего быта каракалпаков XIX–начала XX в. (К вопросу этногенеза)», защищенной в Ташкенте в 1954 г.

¹⁰ Альбом полевых зарисовок А.С. Мелкова и коллекция его фотографий, снятых в разных районах Каракалпакии, хранятся в Санкт-Петербурге в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

¹¹ Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Матер. по истории каракалпаков. Сб. Тр. Института востоковедения АН СССР. Т. VII. М.; Л., 1935. С. 9–89. См. также: *его же*. Каракалпаки // Сов. этнография. Сб. статей. М.; Л. 1940. Вып. IV. С. 23–54.

¹² С.П. Толстов уже в студенческие годы, а именно в 1929 г. (в составе этнографической экспедиции РАНИОН) вел полевые работы в Северной Туркмении и Каракалпакии (в Куняургенском и Ход-

жейлинском районе). Позднее, работая в Центральном музее народоведения (Москва), где Толстов строил новую экспозицию отдела Средней Азии, он выезжал в Каракалпакию для сбора экспонатов; в ходе его экспедиций 1932 и 1934 гг. были привезены ценные коллекции, в том числе каракалпакская юрта.

¹³ Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Сессия Комиссии по этногенезу и этнографии при Отделении истории и философии АН СССР по вопросам этногенеза Средней Азии, 27–29 августа 1942 г. Ташкент. Тез. докл. // Сов. этнография. Сб. статей. Вып. VI–VII. М.; Л., 1947. С. 303–305.

¹⁴ Его же. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. Вып. II. М.; Л., 1947. С. 69–73.

¹⁵ Его же. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102 (см.: «Некоторые выводы» на с. 99–102); *его же.* Огузы, печенеги, море Даукара. Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья // СЭ. 1950. № 4. С. 49–54 и др.

¹⁶ В период с 1945 по 1959 гг. три полевых сезона (1951, 1952 и 1955 гг.) отряд не вел исследований из-за занятости его основных сотрудников в археологических маршрутах.

¹⁷ Издание Атласа не было осуществлено по техническим причинам (сложность изготовления множества цветных этнографических карт и иллюстраций) и из-за отсутствия для этого финансовых возможностей. Тем не менее подготовленные для Атласа авторскими коллективами материалы публиковались в ряде сборников, в журнале «Советская этнография» и других изданиях Ин-та этнографии, а также в республиках Средней Азии.

¹⁸ Позднее, после образования в Нукусе Каракалпакского филиала АН УзССР (1959), а в составе Института истории, языка и литературы этого филиала Сектора этнографии, этнографы Каракалпакии выезжали на полевые работы своим отрядом, часто присоединявшимся к нашему для совместной работы.

¹⁹ Жданко Т.А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане // Расы и народы. Ежегодник. М., 1974. № 4. С. 10–26.

²⁰ См.: ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С. 512–513 (вклейка).

²¹ Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии... С. 35–37 (вклейка).

²² Кузеев Р.Г. Опыт исторической стратификации родо-племенной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья. Т. III. Уфа, 1973.

²³ Толстов С.П. К вопросу о происхождении... и др. С.П. Толстов поддерживал концепцию П.П. Иванова в вопросе о средневековых этапах этногенеза каракалпаков.

²⁴ Жданко Т.А. Проблема этногенеза каракалпаков // Вестн. Каракалпакского фил. АН Узбекской ССР. Нукус, 1960. № 1. С. 73–81; *ее же.* Проблема происхождения каракалпаков в свете данных современной науки // Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. I. Ташкент, 1964. С. 125–133 и др.

²⁵ Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII–XIX вв.) // Матер. и исследования по этнографии каракалпаков. ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958. С. 7–132; Камалов С.К. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в. // Там же. С. 133–206; Косбергенов Р. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX–начале XX в. // Там же. С. 207–268.

²⁶ Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII–XIX вв. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968.

²⁷ Толстов С.П. К вопросу о происхождении...; *его же.* Города гузов... и др.

²⁸ Его же. Города гузов. С. 99.

²⁹ Андрианов Б.В. Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-дарьи в 1956–1957 гг. // Матер. Хорезмской экспедиции (далее – МХЭ). Вып. 4. М., 1960. С. 172–190. См. карту на с. 175.

³⁰ Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962. С. 35–37 (раздел в статье Э.М. Мурзаева «Географический очерк Средней Азии и Казахстана»); Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2. С. 8 (экспликация к карте хозяйственно-культурных типов земного шара на рубеже XIX–XX вв.).

³¹ Жданко Т.А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // СЭ. 1961. № 2. С. 53–62; *ее же.* К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 148–153.

³² Хозяйство Каракалпакии в XIX–начале XX в. (Матер. к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана). Ташкент, 1972.

³³ Андрианов Б.В. Изучение каракалпакской ирригации...; Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса... С. 520.

³⁴ Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса... С. 521–526, рис. 6, 7, 8а, 8б.

³⁵ *Ее же.* Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. М., 1960. С. 160–164, рис. 9–12.

³⁶ Там же. С. 152, рис. 4; *Шалекенов У.Х.* Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем // ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958. С. 333–339, рис. 31 и др.

³⁷ *Жданко Т.А.* Каракалпаки // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. (Серия «Народы мира»). М., 1962. С. 466–470; *ее же.* Каракалпаки Хорезмского оазиса... С. 562–564, рис. 37; *Шалекенов У.Х.* Быт каракалпакского крестьянства... С. 322–328, рис. 19–22 и др.

³⁸ *Есбергенов Х.* Юрта каракалпаков // Этнография каракалпаков. XIX–начало XX в. (Матер. и исследования). Ташкент, 1980. С. 27–37; *его же* (в соавт. с А.В. Оськиным). Фильм о юрте каракалпаков // Там же. С. 37–56, рис. 2–11.

³⁹ *Жданко Т.А.* Каракалпаки... С. 474–485; *ее же.* Каракалпаки Хорезмского оазиса. С. 550–559, рис. 25–36.

⁴⁰ *Лобачева Н.П.* Из истории каракалпакского женского костюма. (К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4. С. 14–28; *ее же.* Каракалпакские головные накладки // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 169–181.

⁴¹ *Лобачева Н.П.* О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда... С. 5–38; *ее же.* Народная одежда как источник по этногенезу. (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., 1991. С. 82–95 и др.

⁴² *Есбергенов Х.* Одежда // Этнография каракалпаков... С. 57–111, рис. 13–33.

⁴³ *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков; *его же.* Удельные земли Сейид Мухаммед-хана хивинского // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. VI. Л., 1937. С. 27–59; *его же.* Архив хивинских ханов XIX века. Исследование и описание документов с историческим введением. Л., 1940; *его же.* Новые данные о каракалпаках. Истор. заметки // Сов. востоковедение. Вып. III. М.; Л., 1945. С. 59–79.

⁴⁴ Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков / Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю.Э. Брегея. М., 1967.

⁴⁵ Вопрос о соотношении патронимии и рода остается пока спорным. См.: *Перишц А.И.* Патронимия // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 133–134.

⁴⁶ *Жданко Т.А.* Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 г. // МХЭ. Вып. 1. М., 1959. С. 190–193; *ее же.* Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. С. 146–155, рис. 1–7.

⁴⁷ МХЭ. Вып. 1. С. 193–199, рис. 1–4.

⁴⁸ Бытование этих терминов («катар», «жора», «шықан», «курдас» и др.) подтверждает присутствие их в словаре современного каракалпакского языка. См.: Каракалпакско-русский словарь / Под ред. проф. П.А. Баскакова. М., 1958. С. 256, 385, 412, 748 и др.

⁴⁹ *Лобачева Н.П.* Сверстники и семья. (К вопросу о древней половозрастной градации общества у народов Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1989. № 5. С. 83.

⁵⁰ *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 298–333; *ее же.* Сверстники и семья... С. 83–95; *ее же.* Древние социальные институты в жизни современной семьи народов Средней Азии. М., 1990. С. 27–50 и др.

⁵¹ *Бекмуратова А.Т.* Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1975.

⁵² *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975.

⁵³ См.: *Есбергенов Х.* К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков (на материале погребальной обрядности). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.

⁵⁴ *Есбергенов Х., Хошициязов Ж.* Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре. Ташкент, 1988.

⁵⁵ *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 66–70 и др.

⁵⁶ *Жданко Т.А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса. С. 562–566.

⁵⁷ *Ее же.* Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков // СЭ. 1955. № 4. С. 50–69; *ее же.* Народное орнаментальное искусство каракалпаков // ТХАЭЭ. Т. III. М., 1958. С. 373–410.

⁵⁸ Образцы каракалпакского народного орнамента. Рисунки Б.В. Андрианова и А.С. Мелкова // ТХАЭЭ. Т. III. С. 411–412, табл. I–XIX.

⁵⁹ Об И.В. Савицком см.: *Авангард, остановленный на берегу.* Л., 1989 (К рис. 46–93).

⁶⁰ *Савицкий И.В.* Народное прикладное искусство каракалпаков. Резьба по дереву. Ташкент, 1965.

⁶¹ *Его же.* Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. М., 1976. См.: Отдел народного прикладного искусства. С. 43–44 (Введение), табл. 31–106.

⁶² *Жданко Т.А.* Быт каракалпакского колхозного аула // СЭ. 1949. № 2. С. 35–38.

⁶³ Шалеменов У. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем // ТХАЭЭ. Т. III. С. 269–370.

⁶⁴ Жданко Т.А. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Каракалпакии // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 705–760.

⁶⁵ Ее же. Быт колхозников рыболовецких артелей на островах Южного Арала // СЭ. 1961. № 5. С. 27–43.

⁶⁶ Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины. Нукус. 1959; ее же. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX–начале XX в. Нукус; Ташкент, 1963; ее же. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984.

Ethnographic researches and ethnographers of the Khorezm expedition

The first part of the article by T.A. Zhdanko, devoted to the ethnographic works of the interdisciplinary Khorezm expedition. Here the author writes about the Kara-Kalpakya branch of the expedition.

T.A. Zhdanko

(Продолжение следует)